

Орест Михайлович Сомов. Матушка и сынок

Повесть

Изд.: Советская Россия, 1984

OCR: Андрей Колчин

...В ребенке будет прок!

Хмельницкий

Лет за тридцать тому, в деревне, вдали от губернского города и почти за две тысячи верст от столицы, родился Валерий Терентьевич Вышеглядов. Родитель его был совестный судья, который в свое время бессовестно грабил правого и виноватого и наконец таким (хотя и не вовсе невинным) ремеслом скопил себе, как обыкновенно говорят эти господа, посильный капитал и купил на оный деревушку, приносящую годового дохода тысяч до десятка. Супруга его Маргарита Савишна была дочь Саввы Сидорыча Пудовесина, который из подрядчиков по торговой прогрессии дошел до звания именитого гражданина. И как еще в качестве подрядчика был он принят (чем всегда хвалился) в лучших домах, у графов и князей, и даже нередко вхаживал к ним в гостиные, хотя и никогда там не сживал – то имел случай ко всему приглядеться, или, говоря собственным его выражением, понаторел. Поэтому-то старался он дать своей дочери самое лучшее воспитание, т. е. как он понимал сию статью – позволяем себе другое выражение из торгового словаря г-на Пудовесина. Маргарита Савишна пробыла года три в пансионе у немки Мадамы и дошла до такого совершенства, что говорила без запинки мон-киор, ма-шер и ее сюперб по-французски, наигрывала на фортепиано "Войди в чертог ко мне златой" и "Желанья наши совершились". Но высшую степень своего образования была она обязана собственно себе и достигла оной тем, что читала без исключения все романы и повести, которыми матушка Москва уже около полустолетия снабжает самые отдаленные уголки Российской империи. Многие из жителей столицы, может быть, не знают, каким образом в дальних провинциях нашего отечества производится продовольствие сими умственными потребностями; таким имею честь донести, что в осеннюю и зимнюю пору заезжают к областным нашим помещикам разносчики с книгами, эстампами московской гравировки (носящими у них бессменно название картин), дурною помадой, мылом и шоколадом, который на вкус ничем не лучше мыла, одним словом, со всякими мелочами и безделками... Разумеется, последнее сказал я не о книгах: ибо иную из них и прочесть не безделка. Помещик велит подать себе реестр, в коем нечеткою рукою весьма неисправно написаны заглавия книг'; потом приказывает впустить разносчика в переднюю –

И книжного ума брадатый продавец вносит полдюжины лубочных коробов с печатным и прочим товаром.

Помещик отбирает "Повесть о двух турках", похождения маркиза Г***, Соведрала, Ваньки Каина, "Полночный колокол", "Пещеру смерти", романы и повести Коцебу и пр. и пр.; к этому иногда присовокупляет он Наставления о пчеловодстве, Конский лечебник, Повариху постную, иногда даже "Твердость духа", "Храм славы", "Путешествие в Малороссию", "Гамлета", пересозданного г-м Висковатовым, – словом, всякую рухлядь, завалившуюся в московских книжных лавках и проданную коробами кочевому книгопродавцу. Тут начинается торг. Разносчик, как почти всегда водится, человек неграмотный, призывает письменного своего мальчика и заставляет его прокрикивать звание и цену книг по реестру тем же звонким, резким и однозвучным голосом, каким он в свободное время читает Бову Королевича и Еруслана Лазаревича. Помещик сбавляет цену, разносчик дорожится; наконец стакан водки делает его уступчивее – и торг заключается. Нередко помещик покупает весь печатный товар коробами, не заботясь о том, что в каждом из них положено по пяти или шести экземпляров одной книги: он тем не менее расставляет их по полкам, подбирая, подобно Богатонову, большие к большим, а малые к малым.

Простите меня, милостивые государи, за длинное отступление: я хотел вам доказать, что и деревенские наши господа и госпожи не вовсе лишены благотворных лучей книжного света, хотя оные и доходят к ним сквозь тусклую призму затасканных переплетов московского изделия.

Однако я клянусь моим Пермским богом, что буду продолжать обыкновенным слогом; Итак, дослушайте ж...

Маргарита Савишна читала без изъятия все романы и повести, переведенные